

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ ИДЫ ЭЭНСОО: БЫТ И КУЛЬТУРА ССЫЛЬНЫХ (1944–1946)*

ТИМУР ГУЗАИРОВ

(Тарту, Тартуский университет)

Тема «Эстонцы в Сибири» исследуется на протяжении уже более столетия. Здесь необходимо, прежде всего, указать на вышедшую в 1918 г. книгу Аугуста Ниголя “Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal” [Nigol]. К сегодняшнему дню обобщающим трудом об истории, судьбе эстонцев, переселившихся или высланных из Эстонии в Сибирь в XVIII–XIX вв. является опубликованная в 2012 г. книга Аду Муста “Siber ja Eesti. Jalaraua kõlin” [Must]. Начиная с 1995 г. Эстонский литературный музей в серии “Eesti asundused” издает сборники, в которых представлены материалы фольклорных, этнологических экспедиций разных лет и эпох (советской и современной эстонской) в сибирские поселения эстонцев (см.: [EA I–III, V–VIII]). Настоящая статья отличается от указанных работ тем, что мы рассматриваем сибирскую жизнь репрессированной в июне 1941 г. одной эстонской семьи. Второй особенностью является выбор объекта исследования. Мы анализируем письма членов семьи, а не реконструируем историю семьи по их, записанным *postfactum*, воспоминаниям.

Письма и воспоминания очевидным образом отличаются способами повествования и трансформации фактов, передачей пси-

* Статья написана в рамках проекта IUT 34-30 “Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries”.

хологического состояния авторов и степенью забывания и/или самоцензуры. В воспоминаниях история представлена в отдельных ярких эпизодах, картина не дается целиком, год за годом, месяц за месяцем в ее развитии. В отличие от воспоминаний, письма создаются синхронно в момент проживания описываемого опыта. Они дают возможность увидеть картину в динамике и поставить вопрос: что и как изменялось или не изменялось в повседневной жизни и быту, в человеческих переживаниях, в восприятии окружающего мира и собственного положения.

Объектом нашего исследования является корпус писем семьи Иды Ээнсоо. Нас будут интересовать тексты, написанные между 20 ноября 1944 г. и 23 июня 1946 г. Их отбор и выбор периода обусловлен тем, что письма именно этого времени наиболее полно представлены в двух архивных делах (77 единиц хранения), и они вместе рисуют единую, месяц за месяцем, непрерывную картину сибирской жизни семьи Ээнсоо. Сведения о членах этой семьи собраны нами по восьми архивным делам, хранящимся в Эстонском национальном архиве (см.: [Aksel; Eensoo; Ida I; Ida II; Ida III; Sirje; Veljo I; Veljo II]).

Семья Ээнсоо состояла из четырех человек: мужа (Акселя) и жены (Иды) и двух детей (Вельо и Сирье)¹. В 1935 г. Аксель и Ида решили под влиянием эстонизации изменить фамилию. С 3 августа они стали называться Ээнсоо [Aksel: 9]. Однако мать Акселя, Мария, которой была адресована большая часть почтовых открыток Иды из Сибири, сохранила фамилию Эссенсон.

Муж Иды — Аксель Ээнсоо (2.XII.1906–16.XI.1941) — родился в Тюри, где прожила всю жизнь его мать, и где он жил со

¹ См. генеалогическое древо, фотографии, даты рождения, место смерти членов семьи Ээнсоо и их родственников на портале проекта “GENI. A My Heritage Company”: <https://www.geni.com/people/Ida-Eensoo/6000000011819851556> (просмотр 19.12.2018).

своей семьей до депортации в 1941 г. Аксель происходил из семьи ремесленника, рано остался без отца. С 13 лет ему приходилось после школы постоянно подрабатывать. Аксель работал на дровяных складах, истопником вагонов, на бумажной фабрике, на лесопильном заводе. В 1924 г. он получил место секретаря на железнодорожной станции. Согласно архивной справке 1965 г., Аксель «по утрам учился в Пайдеской гимназии, по вечерам работал канцеляристом в Тюриском депо, по ночам готовил уроки» [Aksel: 16]. Затем два года он работал помощником машиниста в депо Тюри. В 1927 г. Аксель был призван на воинскую службу, от которой был освобожден из-за туберкулеза легких. В это время он работал в почтовой конторе, с 22 мая 1929 г. начал карьеру служащего в банке в Тюри. В 1934 г. он поступил на юридический факультет Тартуского университета, который закончил 30 октября 1940 г. К моменту ареста Аксель был заведующим Кредитного банка в Тюри.

14 июня 1941 г. Аксель Энсоо был арестован органами НКВД ЭССР и привлечен к уголовной ответственности как антисоветский чуждый элемент. Он «обвинялся в том, что являлся управляющим кредитного банка гор. Тюри и исполнял обязанности секретаря организации “Изамалиит” в гор. Тюри» [Aksel: 14]. Аксель и его семья были высланы из Эстонии в один день, но у каждого был свой пункт назначения². Аксель умер от воспаления легких в Североуральском лагере 16 ноября 1941 г.³ Следствен-

² Последняя семейная фотография была сделана 9 июня 1941 г., за пять дней до трагических событий. Копии фотографий семьи Энсоо, а также жителей и места поселения см.: [Ida III: 2–9].

³ В официальных документах точная дата смерти А. Энсоо была указана только во время реабилитации [Aksel: 14]. До 1965 г. дата смерти двигалась. 4 января 1943 г. комендант Коломино-Гривского поселения сообщил Иде, что ее муж умер в лагере Ликино Свердловской области 1 декабря 1941 г. [Ida III: 12]. 8 января 1949 г. в ЗАГСе города Пайде

ного дела на А. Ээнсоо ни в Эстонии, ни в лагере не успели завести, т. е. официального обвинения, следствия, допроса, показаний свидетелей, приговора суда не было, что признало и КГБ ЭССР во время его реабилитации в 1965 г. (см.: [Aksel: 21]).

В 1932 г. Аксель Ээнсоо женился на Иде Рикк (17. II.1908–28. III.1999). Она также работала в банке в Тюри. В их семье родилось два ребенка: в 1935 г. — мальчик Вельо (13. VIII.1935–25. II.2010), в 1939 г. — девочка Сирье (15. V.1939–23. XI.1990). В июне 1941 г. Ида вместе с детьми была выслана на поселение в Томскую область, в Чаинский район, в колхоз «Культура» (п/о Коломинские-Гривы)⁴. В первые годы после депортации, т. е. в 1941–1942 гг. семья Иды жила в доме председателя колхоза. Официально она вступила в колхоз в 1943 г. В конце 1944 г. ее семья, как мы узнаем из писем, уже снимала комнату в доме одной русской женщины. Весной 1946 г. хозяйка дома начала готовиться к переезду. Летом Ида вместе с другими двумя семьями купила дом.

Обратимся к письмам Иды, Вельо, Сирье, которые были отправлены родственникам в Эстонию в течение полутора лет,

был составлен акт о смерти Акселя Ээнсоо — «Возраст и причина смерти 42 г.» [Eensoo: 43]. 2 декабря 1954 г. в связи с очередным прошением о возвращении в Эстонию Ида Ээнсоо была допрошена. Из протокола допроса мы узнаем, что в имеющемся у Иды свидетельстве смерть мужа датируется 6 января 1949 г. [Там же: 42]. 12 апреля 1955 г. ЗАГС города Пайде подтвердил, что А. Ээнсоо признан умершим начиная с 6 января 1949 г. Место смерти указано как «неизвестное» (teadmata) [Там же: 35].

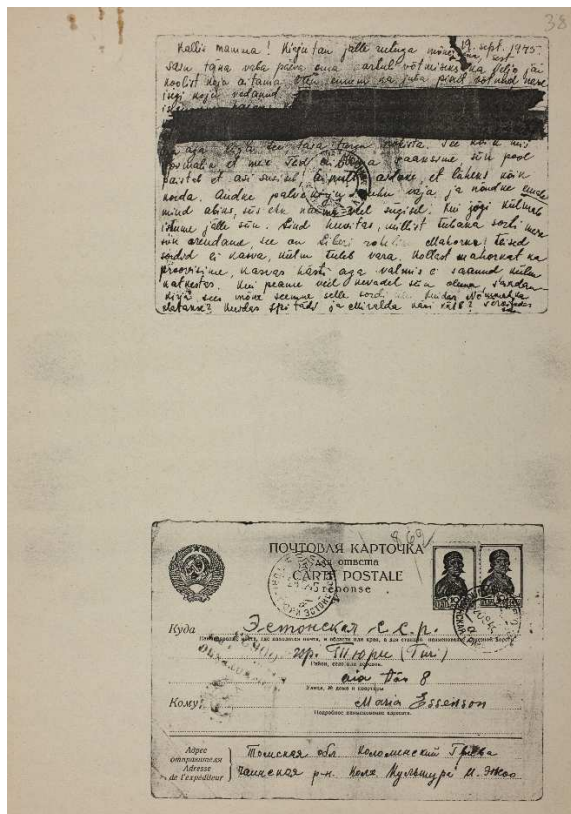
⁴ Вельо было разрешено вернуться в ЭССР в 1947 г. Он жил на попечении матери Иды Хелены Рикк. Сирье была «снята с учета спецпоселения в 1954 г.». Ида была «освобождена со спецпоселения 22 ноября 1956 г.» [Eensoo: 76]. Она вернулась в ЭССР в первой половине 1957 г. Необходимая для получения паспорта справка о том, что Ида Ээнсоо отпущена из колхоза имени Жданова (бывшего «Культура»), датируется 5 мартом 1957 г. [Ida III: 13].

между 20 ноября 1944 г.⁵ и 23 июня 1946 г. Часть писем была написана на обыкновенной бумаге, другая — на почтовых открытках. Стоимость отправки почтовой открытки из колхоза «Культура» Томской области в город Тюри составляла 20 коп. Письмо шло (с учетом просмотра военной цензурой) 17 дней⁶. Работа почты прерывалась, кроме праздников, весной во время ледохода, а осенью в период между концом навигации и установлением пути по замерзшей Оби. Многие письма задерживались и приходили одновременно. (Это касалось писем, отправленных как в Эстонию, так и в Сибирь); установить количество недошедших писем оказалось невозможным.

Кроме почтового штемпеля, указания языка, на котором написан текст, каждая открытка, конверт письма имели штемпель: «Просмотрено военной цензурой». Среди 77 дошедших до адресата и сохранившихся писем и почтовых открыток Иды Ээнсоо имеется только один текст, который был подвергнут цензуре. Это — письмо от 19 сентября 1945 г., написанное на почтовой открытке.

⁵ Разрешение ссыльным на переписку с родственниками в ЭССР было дано во время войны. Первое письмо Иды Ээнсоо было отправлено спустя менее двух месяцев после повторного установления советской власти в Таллинне (22 сентября 1944 г.). Тема войны отсутствует в ее письмах. В 1944 г. Ида отправила только одно письмо.

⁶ Этот факт устанавливается благодаря открытке, отправленной Идой 8 мая и полученной родственниками 25 мая 1946 г. [Ida II: 42].

Рассмотрим контекст цензурной правки, те предложения, которые предшествуют и следуют после зачеркнутых строк.

Kallis mamma!⁷ Kirjutan jälle rutuga mõne sõna, sest täna <on> vaba päev oma kartulivõtmiseks, ka Veljo jäi koolist koju aitama. Olen enne ka juba pisut võtnud neid, isegi koju vedanud. <Далее две с половиной строки письма вымараны цензором. — Т. Г.> Ära aga liiga tee, tasa targem nohista. Tee kõik, mis võimalik, et meie Teid aitama saaksime,

⁷ Эстонское разговорное обращение “mamma” может переводиться по-разному — и как мама, и как бабушка. В данном случае это обращение к свекрови, поэтому передается русским словом «мама».

siin pool paistab, et asi susiseb, ainult aidake, et läheks kõik korda. Andke palvekirju⁸, kuhu vaja ja nõudke emale mind abiks, siis ehk näeme veel sügisel [Ida I: 38].

[Дорогая мама! Пишу снова второпях несколько слов, потому что сегодня выходной день для уборки своей картошки, и Вельо также не пошел в школу, остался дома помогать. Я уже раньше немного собрала, даже перевезла домой. <Далее две с половиной строки письма вымараны цензором. — Т. Г.>. Не переусердствуй, мудрее действовать потихоньку. Делай все, что можно, чтобы мы смогли вам помочь, отсюда кажется, что дело продвигается, только помогите, чтобы все устроилось. Представляйте прошения, куда следует, и добивайтесь, чтобы меня отправили в помощь матери, тогда может увидимся еще осенью].

По нашему предположению, зачеркнутые военным цензором строки имели, скорее всего, отношение к поднятому Идой разговору о возвращении с поселения домой, точнее, о тактике и способах составления прошений. Хотя восстановить зачеркнутые слова невозможно, важно подчеркнуть, что цензор вымарал не все предложения, посвященные этой теме, и открытка Иды благополучно дошла из Сибири до Эстонии.

Целый ряд фактов, которые касались депортации, Гулага, возвращения домой, успешно, хотя бы частично, проходили цензуру, несмотря на военное, сталинское время. Приведем примеры из писем Иды Ээнсоо. Кроме (1) обсуждения вопроса о возвращении с поселения в Эстонию⁹ можно выделить еще три острых, пограничных темы, которые могли подвергнуться цензуре:

⁸ В настоящей статье мы не рассматриваем прошений Иды Ээнсоо и ее родственников. См. материалы: [Ida III].

⁹ Из письма Иды Ээнсоо мы также можем узнать о мошенничестве, которое возникло в Эстонии и было связано с оказанием якобы помощи вернуть ссыльных родственников из Сибири домой. Она предупреждает родственников 5 апреля 1946 г.: “Siin käivad jutud, et seal mõned

1. Сведения и слухи о судьбе мужа Акселя. В тексте письма от 20 ноября 1944 г. Ида открыто употребляет слово «лагерь»:

...isast¹⁰ ei tea meie midagi ja viimati nägime läbi akna Jõgeva jaamas ning see on kõik. Hiljem saime teateid et ta on laagris, isegi aadressi hankisin, kirjutasin — vastust saamata [Ida I: 1].

[...о нашем папе мы ничего не знаем, в последний раз мы видели <его> через окно на станции в Йыгева, и это все. Позднее получили сведения, что он в лагере, даже адрес добыла, писала — без ответа].

2. Сведения, намеки и слухи о жизни узников Гулага. Ида опускает конкретные детали, ее отношение передано через эмоции. См. письмо, отправленное в последних числах декабря 1945 г.:

Mamma sa kirjutasid, et läksid Akseli eest kirikus palvet teha, minu poolt suur tänu sulle selle eest, ehk ometi Jumal aitab, et ta on elus, millesse minul küll väga vähe usku on, kui kõiki seda kuulda, mida nad üle elavad. Kui kõiki arvesse võtta, siis on veel parem, et tema kohe esimesel aastal vaevast pääses, kui aga nii nagu paljud teised veel mitme aasta pingutuse järgi ikkagi varisevad, on veel haledam [Ida I: 53].

[Мама, ты писала, что ты ходила в церковь молиться за Акселя, от меня большая благодарность тебе за это, может, Бог поможет, и он жив, во что я очень мало верю, когда слышишь о том, через что они проходят. Если все принять в расчет, тогда еще и к лучшему, чтобы он сразу в первый год от страданий избавился, когда многие другие умирают после многих лет испытаний, то их еще более жалко].

3. Отдельные детали июньской депортации 1941 г. В письме от 18 февраля 1945 г. Ида, рассказывая об отсутствии теплой одеж-

käivad ringi ja lubavad suure raha eest aidata omakeseid tagasi, ärge hakake ja kõiku mitte uskuge" [Ida II: 32] / [«Здесь ходят слухи, что там некоторые личности обещают за большие деньги помочь вернуть родственников, не вздумайте поддаваться и не верьте ничему»].

¹⁰ Слово "isa" переводится как «отец» или «папа». Ида употребляет это слово по отношению к мужу, подразумевая, что он — отец семейства, либо становясь на точку зрения детей, для которых Аксель — папа.

ды и о болезнях в первый сибирский год, сообщает между прочим родственникам:

Ka pagasi suur osa ning väärtuslik värk jäi isa hoole alla ning on sama teadmatuses kui isa isegi [Ida I: 4].

[Также и большая часть багажа и ценностей осталась у отца и пребывают в той же неизвестности, как и он].

Год спустя в письме от 14 января 1946 г. Ида, снова обсуждая тему теплой одежды, осмелилась сообщить гораздо больше информации. Она описала некоторые детали уже самой депортации:

Sa mamma kirjutas, et valge saali võtsin kaasa, mina seda sugugi ei teadnud, sest meie s. t. mind lastega pandi kohe linnast väljudes omnibussi <...> Isa aga asjadega jäi auto peale edasi, nemad jõudsid enne meid sinna ja olid kõik juba jaotatud ning vagunisse laaditud, kui meie sinna jõudsime, seetõttu ei tea mina kuhu isa muiste asjadega sattus [Ida II: 1].

[Мама, ты пишешь, что белую шаль я взяла с собой, но я этого не знала, потому что нас, то есть меня с детьми посадили в автобус сразу по выходе из города <...> Папа наш с вещами остался в машине, они прибыли туда <на станцию. — Т. Г.> раньше нас, и все были уже распределены и посажены в вагон, когда мы туда прибыли, поэтому я не знаю, где оказался папа с частью вещей].

Как мы видим, Ида Ээнсоо в своих письмах открыто, не прибегая к разным хитростям и эвфемизмам, смогла передать родственникам в Эстонию сведения и о депортации, и о Гулаге, и о своих прошениях. Здесь необходимо поставить вопрос, требующий дальнейшего изучения на широком материале: какие сведения не пропускались военной цензурой, какие слова вычеркивались при повествовании о депортации и Гулаге?

Обратимся к статистике писем семьи Иды Ээнсоо. В течение 20 месяцев (1944–1946 гг.) было написано 77 писем. В 1945 г. было отправлено 44, за первое полугодие 1946 г. — 33 письма. Интенсивность переписки возросла благодаря увеличению числа

детских писем. В 1945 г. Вельо и Сирье вместе написали 10 писем, в течение первых шести месяцев 1946 г. они отправили 17 писем. (В категорию детских мы включили и письма, состоявшие из двух частей — написанных детьми и матерью).

На момент депортации в 1941 г. Вельо и Сирье было соответственно 6 лет и 2 года. В 1945 г. в одной из первых посылок бабушка прислала внучке эстонскую азбуку. Ида сообщает родственникам о том, что девочка учит эстонские и русские буквы. В двух письмах Иды 1945 г. мы находим одну-две эстонские фразы, написанные детскими каракулями. Ида писала 2 декабря 1945 г.:

Kallid kodused! Püüdke aru saada mida Sirje Teile soovib. Ta vaeseke nutab, et Veljo ja mina kirjutame mitu kaarti, aga tema ei saa ühtegi kirjutada. Õpib hoolega praegu kirjutama <...> Kirjatähed on aga vene-
lastega mängides lasteaias täiesti unustanud [Ida I: 47].

[Дорогие домашние! Попытайтесь понять, чего Сирье вам желает. Она, бедненькая, плачет, что Вельо и я пишем несколько открыток, а она не может ни одной написать. Сейчас старательно учится писать <...> Но прописные буквы она, играя с русскими в детском саду, полностью забыла].

Если в 1945 г. Сирье написала от себя одно письмо к родственникам, то в первое полугодие 1946 г. она отправила уже шесть. Рост числа строк, написанных ею в письмах Иды и Вельо, а также рисунков свидетельствует о ее стремлении почувствовать себя равноценным членом семьи, быть в полной мере причастной к миру матери и брата. В отличие от старшего брата, Сирье, как отмечает мать, ничего и никого не помнит и знает отца, бабушку, родственников только по письмам и фотографиям. Письма к родным позволяли девочке, таким образом, начать лично знакомиться со своими родственниками, установить эмоциональную связь,

душевные и личные отношения с ними¹¹. Это эпистолярное общение открыло для Сирье и ее родственников новые источники радости и любви. Выделим особо группу ее писем-рисунков, например, ее пасхальное поздравление 1946 г.

Письма эмоционально обогащали и душевно согревали детей. Сын Иды Вельо в первое полугодие 1946 г. написал больше писем, чем в течение всего 1945 г. (10:7). В отличие от матери, сын ни в одном письме не жалуется на трудные обстоятельства и полуголодную жизнь. Он рассказывает о рыбалке, работе пастухом, о поездке с матерью за дровами, об угощениях, школьных успехах, просит у бабушки денег для покупки лыж и т. д. Так же, как и младшая сестра, он иногда в письмах рисует. Вельо начертил план их дома, проиллюстрировал свои будни (школа, помощь маме).

¹¹ Как мы узнаем из самого первого письма Иды от 20 ноября 1944 г., Сирье очень ждет времени, когда сможет спеть бабушке все песни, которые выучила в детском саду [Ida I: 1]. В начале 1945 г. Ида Ээнсоо общалась родным, что Сирье жалуется на то, что ей не пишут. Эта ошибка была исправлена.

В отличие от своей младшей сестры, Вельо помнил отца и жизнь в Эстонии. В первых письмах в 1945 г. мальчик не вспоминает о прошлом, а уверенно смотрит в будущее и, в отличие от матери, не сомневается в возвращении домой. 19 мая 1945 г. он пишет: “Kui Eestisse tuleme, siis ma kardan Teile tulla, sellepärast et teil on koer, ta hammustab mind!” [Ida I: 19] / [«Когда приедем в Эстонию, я буду бояться приходить к вам в гости, потому что у вас собака, она укусит меня!»]. 9 июля 1945 г. Вельо делится своими

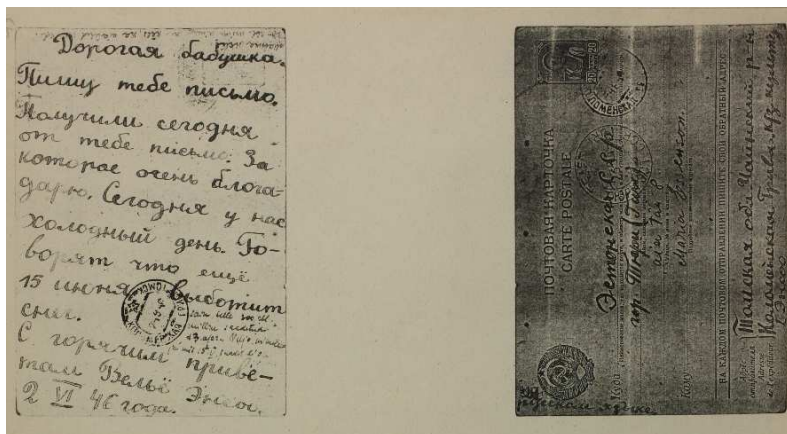
сомнениями с бабушкой: “Kui kodu tuleme, siis ei tea, keele juurde elama tuleme?!” [Ida I: 34] / [«Когда приедем домой, даже не знаю, у кого мы будем жить?!»]. Хотя в дальнейшем тема «эстонского дома», «ностальгии», «памяти» не возникает, это отсутствие, однако, не влияет на в целом положительную интонацию писем мальчика. Об отце Вельо в письмах не вспоминает.

Эмоциональная палитра писем Иды Ээнсоо, разумеется, более богата, сложна и противоречива. В них грусть, печаль, боль, отчаяние перемешиваются с радостью, надеждой, редким весельем. Ида постоянно вспоминает о своем эстонском доме, родственниках, о погибшем муже. Отличительной чертой ее писем является описание снов об утраченном счастливом времени, родине и оставленной в Эстонии семье (см., напр.: [Ida I: 45, 52; Ida II: 47]). Описание трудного быта, жалобы на здоровье, погоду, скудное питание являются лейтмотивом ее писем, которые рисуют физически и психологически усталого, измученного человека. В этой сложной ситуации начавшаяся переписка между Идой и родственниками в Эстонии оказалась для нее спасительной, стала источником душевной помощи (см. многочисленные ее признания о значении писем, напр.: [Ida I: 5, 37, 50]).

В отличие от матери, единственным огорчением, которым мальчик позволил себе поделиться с бабушкой, было то, что он (второклассник) начал под влиянием русского языка хуже писать по-эстонски. Вельо признался 12 декабря 1945 г.: “Ei saa enam Eesti keelt hästi kirjutada, vene keelega läheb segamini” [Ida I: 49] / [«Не могу больше хорошо писать по-эстонски, смешивается с русским»].

Письма к родным в Эстонию кроме психологической, эмоциональной, коммуникативной несли в себе и культурную функцию. Они давали возможность Сирье научиться писать по-эстонски, а Вельо сохранить и улучшить владение родным языком. Все, кро-

ме одного письма, мальчик написал на эстонском языке. Письмо, адресованное бабушке 2 июня 1946 г., написано, однако, по-русски.

Этот текст свидетельствует не только о решении мальчиком лингвистической проблемы смешения двух языков. Написанное на русском языке письмо наполняет Велью гордостью, радостью, и он хочет сообщить о своем достижении бабушке. Несмотря на трагическую судьбу отца, депортацию, мальчик, живя в колхозе среди русских, эстонцев, латышей, не испытывал негативных эмоций по отношению к русскому языку ни в то время, ни позднее. (После возвращения в Эстонию в 1947 г. Велью учился в школе в Тюри. После ее окончания в 1955 г. он поступил в Таллиннский педагогический институт на отделение русского языка и литературы. После получения диплома в 1960 г. В. Ээнсоо работал учителем в школе).

Тексты Иды и ее детей объединяет тема благодарности родным за письма, фотографии, денежные переводы, за присланные журналы, газеты, книги, а также за бумагу и иногда за марки, конверты (см., напр., письмо от 14 января 1946 г. [Ida II: 3]). Почтовые принадлежности были в большом дефиците в среде репрессированных. Отсутствие в 1945–1946 гг. бумаги, конвертов, марок

в достаточном количестве свидетельствует и о низком послевоенном уровне жизнеобеспечения в Чаинском районе Томской области¹². В какой мере недостаточное снабжение почтовыми принадлежностями районов спецпоселений было случайным или было средством контроля со стороны власти — этот вопрос остается открытым и требует отдельного изучения на более широком материале.

В течение 1944–1946 гг. Ида работала на колхозных полях, позднее — сторожем склада. Она стала инвалидом второй группы. В Сибири Ида узнала, что местное население называет табак махоркой, а землю они измеряют не гектарами, а сотками (см.: [Ida I: 5]), что по праздникам пьют брагу, по ее замечанию, это — национальный напиток русских [Там же: 25]. Из новых сельскохозяйственных культур Ида открыла для себя кормовую брюкву (турнепс). По отдельным знакам мы можем увидеть: несмотря на тяжелую жизнь и постоянные отказы в возвращении домой, у Иды пробуждается интерес к жизни, в том числе, сибирской. В этом процессе сыграла свою роль и начавшаяся переписка с родственниками из Эстонии. Весной 1946 г. она решила отослать семена выращиваемой в ее колхозе махорки и турнепса домой; она также начала делиться с матерью рецептами местных блюд.

Главной заботой Иды было обеспечение семьи питанием. Заработанных трудовней было недостаточно, приходилось постоянно жить в долг, картофеля также не всегда хватало. Родствен-

¹² В первые послевоенные годы колхоз «Культура» с трудом сводил концы с концами. В ноябре 1945 г. провели электричество, поэтому, как рассказывала Ида родственникам, к ней домой в гости по вечерам приходили знакомые эстонцы. Однако, как мы узнаем из письма Иды, написанного в последних числах 1945 г., электричество уже отключили из-за долгов колхоза [Ida I: 51]. 14 марта 1946 г. Ида просила прислать ей гвоздей [Ida II: 22].

ники постоянно высылали Иде деньги, на которые она регулярно покупала, прежде всего, муку. Так, благодаря тете за денежный перевод, Ида пишет: “Ei oska Teile kirjutada laste rõõmu, kui jälle olen suutnud osta neile leiba ja süüa mõnikord kõhud täis” [Ida II: 23] / [«Не могу описать вам радости детей, когда я снова смогла купить им хлеба и накормить досыта»].

В статье мы не будем специально останавливаться на теме денежных переводов, отметим только некоторые факты. Если посчитать все упомянутые суммы, за которые Ида и Вельо выражают благодарность, то получается, что в 1945 г. родственники перевели Иде приблизительно 4100 рублей, в первой половине 1946 г. — 2100 рублей. Деньги собирались в Эстонии всеми родственниками. Об этом свидетельствуют и адресные благодарности, и размер суммы. По данным Е. Д. Твердюковой, средняя зарплата служащего и рабочего в СССР в 1945 г. составляла 442 руб. [Твердюкова: 77]. Несмотря на присылаемые, кажущиеся большими, суммы, семья Ээнсоо продолжала испытывать серьезные затруднения. Из писем Иды мы узнаем, что в колхозе «Культура» в конце 1945 г. пуд картофеля стоил 60–70 руб., пуд моркови — 50 руб., пуд муки — около 300 руб. За 1945 г. Ида и Вельо заработали 360 трудодней. Один трудодень равнялся 200 гр. зерна. Они получили 180 кг. зерна, однако 93 кг. сразу отдали колхозу в счет погашения долга (см.: [Ida I: 52]). На целый год семье Ээнсоо заработанного хлеба не хватало, и они были постоянно вынуждены брать в долг. Изменить эту ситуацию в их семье частично помогли денежные переводы из Эстонии.

Несмотря на поддержку родственников, рацион семьи оставался скудным, и в течение 1945–1946 гг. они продолжали жить впроголодь. Как пишет Ида, они забыли о жирной пище, мясе, яйцах, были счастливы, когда удавалось достать немного молока [Ida II: 33]. Основным постоянным блюдом была мучная похлебка (jahukört), которая позволяла, по признанию Иды, забы-

вать о хлебе и спать спокойно всю ночь. В письме от 20 января 1946 г. она послала свекрови свой рецепт этого блюда: вода, брюква, 3–4 картофелины, 3–4 столовых ложки муки и, если есть, немного молока [Ida II: 18].

Кроме денежных переводов из Эстонии, большим подспорьем для Иды было то, что дочка Сирье ходила в детский сад, в котором она имела трехразовое питание, получала теплую еду и 100–200 гр. хлеба и могла есть супа досыта. По признанию Иды, еда в детском саду была лучше, чем дома. То, что Сирье питалась в основном в детском саду, позволяло Иде и Велью немного увеличить собственный рацион (см., напр.: [Ida I: 1; 17; Ida II: 35]). В январском письме 1946 г. к бабушке Сирье рассказывает о своем детском садике и, как ее мать, касается темы питания. Девочка говорит, что в садике 22 ребенка, питание — трехразовое, хлеба мало, но супа можно есть, сколько хочешь (см.: [Ida II: 12]).

Дочка и мать сближаются в общем понимании преимуществ питания в детском саду. Процесс взросления детей, Велью и Сирье, можно проследить по тематическим точкам пересечения их писем с материнскими. Как уже отмечалось выше, вслед за Идой Велью и Сирье также начинают регулярно благодарить родственников, прежде всего, за присланные деньги, а также за письма, книги, журналы, газеты, бумагу. Вся семья осознавала свое бедственное положение, ценила возобновившиеся родственные связи и ясно понимала, насколько они помогали им выживать в Сибири — физически, психологически и духовно. Ида признавалась родственникам еще в одном из первых писем от 18 февраля 1945 г.:

Sain eile, just oma sünnipäeva hommikul teie kirjad, mida lugesime lastega ja nutsime rõõmu pärast ning tunneme, et pole meie veel maha jäetud ning elusalt maetud vaid kaugel on südamed soojad, olgugi et siin nii külm [Ida I: 4].

[Вчера утром, в день своего рождения, получила ваши письма, которые мы читали с детьми и плакали от радости, и чувствуем, что мы

еще не брошены и не похоронены заживо где-то далеко, на сердце тепло, хотя здесь так холодно].

Несмотря на трудное, полуголодное существование, менялось отношение к жизни, в том числе, к самой насущной проблеме — к проблеме питания. Так, в письме от 20 января 1946 г. Ида сообщает о новой семейной традиции: по воскресеньям она начала печь пирожки с морковью с целью выделить этот день из череды остальных и создать праздничную атмосферу. Из другого письма мы узнаем, что хозяйка дома, у которой также была дочь, иногда делала конфеты из морковки и свеклы. Ида послала матери рецепт этих сибирских сладостей, просила приготовить и написать о том, понравились ли они [Ida II: 28]. Обмен рецептами, разговор о домашней еде, безусловно, обострял воображение, позволял мысленно увидеть, почувствовать жизнь друг друга. Этот источник положительных переживаний усиливал эмоциональную связь с родными, давал возможность адресанту почувствовать себя как дома. Неслучайно Ида просит крестную мать прислать домашних сухарей:

... Nõmme ema¹³, sul on võimalik, tee pisut oma kodu kuivikud ja saada neid, need on palju kallimad kui poe praänikud. Mõtlen tihti selle sepiku koorikesele mida kodus sai näritud. Ärge arvake, et neid palju tahame, aga kodu leiva maitse tahaks tunda [Ida II: 21].

[...мама из Нымме, если ты можешь, засуши немного домашних сухарей, они намного дороже магазинных пряников. Часто думаю о корочке сепика, которую жевала дома. Не подумайте, что мы просим большое количество, но хотелось бы почувствовать вкус домашнего хлеба].

¹³ В эстонской традиции вместо имени иногда используется парафраз с указанием места жительства. В данном случае крестная мать Иды жила в Нымме, поэтому она названа «мамой из Нымме».

Одним из решений проблемы питания и улучшения качества жизни могла стать покупка коровы, о которой Ида постоянно думает. Несмотря на все преимущества, она, однако, в 1945 и 1946 гг. оттягивает принятие окончательного решения. Приобретение коровы, даже в долю, значило для Иды строительство новой жизни в Сибири и отказ от мысли о возвращении в родную Эстонию. Неслучайно она советуется об этом в письмах со своими родными. 25 июня 1945 г. она писала:

Mis puudub meie sõidusse, siis ei tea meie midagi, ega kuule samuti; juttusid on palju aga mina neid ei usu, sest 4 aastat olen oodanud ja Jumal ise teab kui kaua veel. Õigem oleks vist siin hakata lehma ostma <...> meie mõtleksime kolmekesi või neljakesi seda asja ajama hakata <...> Siin on harilik asi et ostetakse ½ ehk 1/3 lehma, s. t. et võid teda lüpsata üle päeva ja süüa samuti, kui sul on ½ lehma, aga kui 1/3 siis teed neid toiminguid iga kolmas päev. Mida teie sellest ostmise loost arvate. Või ootame veel, ehk saame koju. Oh, küll ootame seda õnne aga vist asjata [Ida I: 28].

[Что касается нашего отъезда, то мы ничего не знаем и не слышим; слухов много, но я в них не верю, потому что 4 года я ждала, и Бог знает, как долго еще ждать. Правильнее было, пожалуй, купить здесь корову <...> мы подумываем втроем или вчетвером это дело осуществить. <...> Здесь это обычное дело, что покупают ½ или ⅓ коровы, то есть ты можешь ее доить и кормить через день, если у тебя ½ коровы, но если ⅓, тогда каждый третий день. Что вы об этой истории с покупкой думаете? Или еще подождем, может быть, попадем домой. Ох, ждем же этого счастья, но, пожалуй, напрасно].

Рациональные соображения о возможном благополучии конфликтуют с чувствами и надеждами Иды. В 1945 г. она не решилась на покупку коровы, но в 1946 г. снова была вынуждена вернуться к этой теме. Здесь важно отметить ее колебания, нерешительность, желание узнать мнение родственников, заручиться их одобрением. 23 июня 1946 г. она писала:

...loodan, et oleme lehma mehed tulevikus kui siit tulema ei saa. Eks seda looma saab ju ka alati ära müüa. <...> Veljo ja Sirje muud ei tee kui räägivad lehmast, et kui oleks see, siis saaks piima, võid ja kohupiima <...>. Palun siis Teie kõikide arvamist ja otsust selle asja kohta [Ida II: 48].

[...надеюсь, что мы в будущем будем хозяевами коровы, если отсюда не выберемся. Ведь это животное всегда можно продать. <...> Вельо и Сирье ничего другого не делают, как говорят о корове, что если бы она была, тогда имели бы молоко, масло и творог <...> Прошу Вашего общего мнения и решения в этом деле].

Как видно из этой затянувшейся истории, не только война и общее тяжелое материальное положение, но и память о прошлой жизни, и мечта о возвращении домой мешали ссыльной семье адаптироваться на новом месте в Сибири. В одном из писем Ида признается родным, что не хочет здесь покупать дом, как это сделала одна эстонская семья. Начавшаяся переписка с родственниками, получаемые из дома эстонские газеты, журналы, книги, их чтение эмоционально и ментально возвращали, особенно взрослых, назад в Эстонию. Просьба о присылке именно газет, журналов, книг является самой частотной в письмах Иды.

Опишем круг чтения семьи Ээнссо. Для Иды из Эстонии присылали преимущественно журналы и газеты. Самым востребованным был журнал "Eesti naine" [«Эстонская женщина»], затем шел литературный журнал "Looming" [«Творчество»]. Однажды Ида получила номер журнала "Naistööline" [«Работница»]. Среди газет она получала "Postimees" [«Почтальон»].

Сын Вельо получил, прежде всего, сборник для чтения для второго класса "Esimesed vaod" [«Первые борозды»], один номер журнала "Pioneer" [«Пионер»], а также две эстонские книжки со сказками — с русской народной сказкой «Царевна-лягушка» и с произведением Г. Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». Для знакомства с эстонской литературой и культурой

ему прислали две книги “Kalevi kotkalend” [«Полет Калева на орле»] и “Kalevipoeg ja vetevaim” [«Калевипоэг и водяной»].

Сирье получила от родственников книги со сказками эстонских авторов Ф. Р. Крейцвальда “Paristaja-poeg” [«Громовой-сын»] и Я. Кырва “Veealused” [«Царство водяных»]. Ей также прислали книгу со сказкой Г. Х. Андерсена «Гадкий утенок». Позднее Сирье подарили сборник детских рассказов “Habemega sipelgas” [«Муравей с бородой»], составленный Карлом Адером и изданный в 1945 г.

Из советской детской литературы была прислана одна книга Л. Пантелеева «Белочка и Тамарочка» в переводе на эстонский, которая была издана в 1945 г. под названием “Helle ja Malle” (перевод Леа Нурксе).

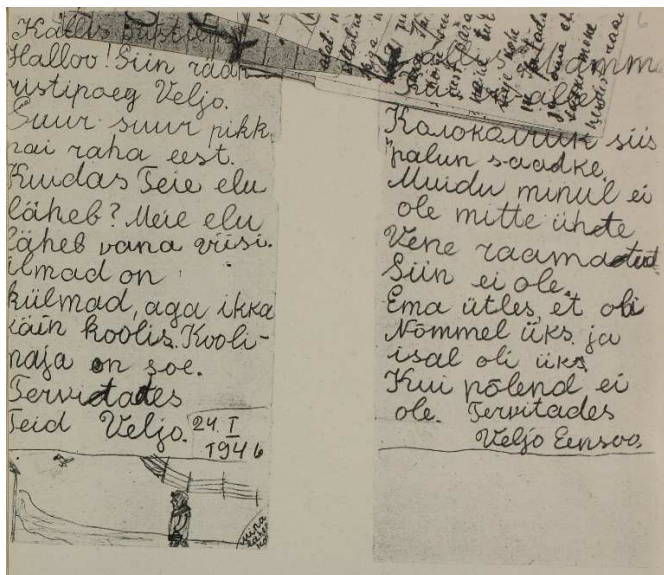
Родственники смогли прислать из Эстонии очень небольшое количество книг. По получении они прочитывались в течение нескольких дней. Дети, как неоднократно отмечает Ида, постоянно жалуется на то, что им почти нечего читать. Мать постоянно просит родных о присылке новых книг. Ида пробовала предложить детям читать газеты, но они не вызвали у них интереса. Вельо иногда просит у других детей книгу хотя бы на несколько часов (см., напр.: [Ida I: 7, 19, 49; Ida II: 2, 29, 52]).

Однако не только книги, но и письма родных из Эстонии могли служить своеобразным пособием для развития у детей навыков чтения. 31 марта 1945 г. Ида писала родственникам: “Teie kirju ei loe meie mitte üks ega kaks korda vaid 10–20 korda ja ikka jälle ja jälle” [Ida I: 10] [«Ваши письма мы читаем не один и не два раза, а 10–20 раз и снова, и снова перечитываем»]. Детям письма и книги на эстонском языке, кроме эстетического, эмоционального удовольствия, доставляли подлинную радость от изучения родного языка. В июне 1946 г. Ида комментирует для свекрови письмо дочери:

Kallis mamma! Vaata kuidas juba Sirje käekiri on arenenud ja ka vigu teeb võrdlemisi vähe, ta vaatab hoolega kõik sõnad järele, kui loeb ja kui kirjutab. Siis otsib raamatust mõnikord sõnu, et õieti kirjutada [Ida II: 51].

[Дорогая мама! Посмотри, как развился почерк Сирье, и ошибок она также сравнительно мало делает, она внимательно проверяет все слова, когда читает и пишет. Иногда ищет в книге слова, чтобы правильно их написать].

Кроме книг на эстонском языке для Вельо прислали из Эстонии учебники по русскому языку для 2 и 3 классов. Они настойчиво просили выслать им «Колокольчики» — хрестоматию для чтения на русском языке, составленную в 1922 г. З. Н. Дормидонтовой для эстонской школы. В письме от 24 января 1946 г. Вельо, поблагодарив крестную мать за денежный перевод, пишет о том, что жизнь идет по-старому, погода холодная, но он ходит в школу, где тепло. Мальчик жалуется ей на отсутствие у него русских книг и просит прислать ему «Колокольчики» [Ida II: 6].

Как следует из рассказа И. Ээнсоо, в сибирской деревенской школе колхоза «Культура» книг не хватало. В классе Вельо было 29 учеников, а учебников было всего 10, в другом письме говорится уже о 5–6 учебниках. Ида жалуется сначала матери, затем тете:

...juba teist aastat koolis ja mitte ühte raamatut [Ida II: 26] [...уже второй год в школе и ни одной книги].

Veljo õpib koolis ilma raamatuteta, sest neid on siin väga vähe [Ida II: 52] [Вельо учится в школе без книг, потому что их здесь очень мало].

Чтение на родном языке не только для детей, но и для матери оказалось источником духовного и интеллектуального обновления. Ида призналась свекрови: “...õpin uuesti lugema ja mõtlema” [Ida I: 12] [«...учусь заново читать и думать»]. Как Вельо и Сирье, она постоянно описывает свою радость после получения присланных ей журналов и газет. Интересно отметить, что Ида не просила присылать ей книги. Журналы и газеты были более полезными в повседневной жизни, они знакомили ее с жизнью в ЭССР, давали полезные советы и сведения, например, рецепты, печатаемые в журнале “Eesti naine”. К тому же необходимо учитывать, что как вес посылки, так и их количество было ограничено, а семья стремилась получить, прежде всего, самое необходимое; в этот перечень толстые художественные книги не входили.

Название хрестоматии З. Н. Дормидонтовой «Колокольчики» было единственным словом, написанным по-русски в письмах И. Ээнсоо. По ее признанию, Ида владела русским языком плохо, дети говорили по-русски лучше ее. Несмотря на имевшийся языковой барьер, ее отношения с коренными русскими жителями складывались хорошо. С одной стороны, она мало проявляла интереса к русским, мало их упоминала в письмах, мало рассказывала об их поведении, культуре, повседневной жизни. С другой стороны, Ида отметила подлинный интерес русских к жизни в

Эстонии. Они приходили к ней рассматривать фотографии, спрашивали о тамошнем быте [Ida I: 14]. Ида тепло отзывается о своей хозяйке и ее доме. В начале июля 1945 г. она писала родственникам:

Jumal tänatud perenaine on hea inimene, püüan talle abiks olla <...>
 Kui perenaisele tervisele saatsite siis oli temal väga hea meel, üldse on ta kõigist huvitatud kuidas meie seal elasime ning kuidas teie praegu [Ida I: 30–31].

[Слава Богу, хозяйка — хороший человек, стараюсь ей помогать <...> Когда вы передали привет хозяйке, ей было очень приятно, вообще она всем интересуется, как мы там жили и как вы сейчас <живете>].

Несмотря на складывающиеся хорошие отношения, Ида Ээнсоо воспринимает свою русскую хозяйку и, тем более, остальных русских все же как «чужих». В том же письме она признается: “... meie igat liigutust jälgib võõras inimene” [Ida I: 30] / [«...за каждым нашим движением наблюдает чужой человек»].

Как мы отметили выше, первое время семья Ээнсоо жила в доме председателя колхоза, который был, по замечанию Иды, совершенно безграмотным. Вместе с тем, в архиве И. Ээнсоо хранится копия фотографии, на которой изображены муж и жена из этой русской семьи. Очевидно, что фотография была подарена Иде на добрую память. Это — свидетельство теплого личного отношения, и эта береженная Идой фотография является также знаком преодоления (в какой-то степени и в домашнем пространстве) барьера между ссыльной эстонской семьей и русской, находившейся на противоположном иерархическом — социальном и общественном — полюсе.

Русские жители воспринимались И. Ээнсоо как «не-свои», «другие», «чужие». Характерно, что в ее письмах никто из русских ни разу не назван по имени. Одновременно русские не изображены ею как угроза, в их описании отсутствуют враждебные,

агрессивные, отталкивающие черты. В 1945 г. эстонцы и русские праздновали свои народные праздники в один день — 24 июня. Этот день, судя по рассказу Иды, стал первым за долгое время радостным днем; она веселилась и, как признается родственникам, даже танцевала. Описание праздника состоит из двух частей: эстонской и общей. В первой части Ида рассказывает о том, как она с другими эстонцами впервые за четыре года ходили на кладбище, вспоминали родных, плакали, пели эстонские народные песни (“Üks paigake” ja “Kord mõtetes istus”) [Ida I: 24]. Днем русские угостили эстонцев тем, чем отмечали свой народный праздник — супом с мясом и молочным супом с вермишелью. Иде также поднесли два стакана браги, от двух глотков которой она опьянела. Вечером начались танцы и гулянья, а ночью зажгли Янов/Иванов костер. В заключении рассказа о празднике Ида призналась:

Nüüd tunneme me täiesti, millised vene “kuljankud” on, sest on oma silmaga midagi nähtud [Ida I: 25].

[Теперь мы знаем, что такое русские «гулянки», потому что своими глазами видели].

Как мы видим, у Иды сохранилось ироничное, но все же доброе чувство к русским. Коренное население воспринимается ею без опаски и вражды, отношение к нему или нейтральное, или положительное. Ни об одной ссоре или конфликте с русскими в письмах Ээнсоо не упоминается.

Итак, сибирские письма семьи Иды Ээнсоо позволяют нам констатировать следующие изменения в жизни ссыльных эстонцев и в их восприятии этой жизни на протяжении 1944–1946 гг.:

1. Самой сложной оставалась проблема пропитания. Однако начиная с конца 1945 г. Ида пытается изменить отношение к этой насущной проблеме. Она начинает по воскресеньям печь пирожки с морковкой, обменивается с матерью рецептами. На Пасху

в 1946 г. ей удалось купить шесть яиц в подарок детям. Проблема выживания, в том числе благодаря денежным переводам от родственников, начинает медленно, трудно, но решаться.

2. Наш материал позволяет говорить об улучшении отношений между репрессированными эстонцами и местными русскими жителями, даже об их постепенном сближении. Общее празднование эстонцами и русскими 24 июня 1945 г. служит этому убедительным доказательством. Однако необходимо также отметить, что Ида, спустя прожитые на поселении 5–6 лет, по-прежнему плохо владела русским языком. В ее письмах отсутствуют упоминания о русских песнях или иных проявлениях русской культуры, встречаются только четыре новых для нее русских слова (брага, махорка, сотка, гулянки). Русский язык и культура почти не проникли во взрослый мир матери, в отличие от детского мира ее сына и дочери. Несмотря на хорошие в целом отношения с русскими, Ида Ээнсоо не стремилась сблизиться с ними, предпочитала быть среди «своих». Характерно, что в отличие от русских, упомянутые в ее письмах эстонцы имеют имена и фамилии.

3. В течение 1944–1946 гг. мы на примере писем И. Ээнсоо видим расширение круга «острых» тем, которые, однако, проходили военную цензуру. Иде Ээнсоо удалось открыто сообщить родственникам в Эстонии о смерти мужа в Гулаге, рассказать о некоторых обстоятельствах депортации в июне 1941 г. Тема прошений, слухов и разговоров о возможном возвращении репрессированных из Сибири в Эстонию также открыто обсуждается ею в письмах к родным. Отдельного изучения требует вопрос о том, менялся ли и каким образом рассказ о жизни на поселении в письмах ссыльных в течение более долгого периода — после окончания Второй мировой войны и до XX съезда КПСС в 1956 г.?

В 1945–1946 гг. главное изменение в повседневной сибирской жизни ссыльной семьи Ээнсоо было связано не с улучшением

бытовых условий или питания, а с интенсивным приобщением к чтению и письму на родном языке. Переписка с родственниками и чтение получаемых из Эстонии писем, книг, журналов, газет становятся каждодневной привычкой, эмоциональной, эстетической и интеллектуальной потребностью. Письма и чтение постепенно, но сильно меняли мироощущение детей. Количество детских писем резко возрастает. Вельо и Сирье стали более открытыми, они замечают маленькие радости и стремятся рассказать о них родным из Эстонии, в том числе, представить в рисунках. Письма и чтение стали источником постоянной и неизменной радости в семье Ээнсоо. Они служили связью с утраченным родным миром и помогали Иде психологически преодолевать житейские трудности. Переписка и чтение душевно освободили, согрели репрессированных Иду, Вельо, Сирье Ээнсоо.

Литература

I. Архивные источники

Aksel: Eensoo, Aksel Gustav (1906) // ERAF. Ф. 130SM. Оп. 1. Ед. хр. 2015-1.

Eensoo: Eensoo, Ida Augusti t. 1908. Eensoo, Veljo Akseli p.1935. Eensoo, Sirje Akseli t. 1939 // ERAF. Ф. 6-R. Оп. 1. Ед. хр. 736.

Ida I: Ida Eensoo kirjad asumiselt Siberist Tomski oblastist. Koopiad. 1944–1945. 62 lehte // EAA. Ф. 5402. Оп. 1. Ед. хр. 108.

Ida II: Ida Eensoo kirjad asumiselt Siberist Tomski oblastist. Koopiad. 1946–1954. 64 lehte // EAA. Ф. 5402. Оп. 1. Ед. хр. 109.

Ida III: Ida Eensoo dokumentide (palvekirjad, avaldused) ja fotode koopiad asumisajast Siberis 1941–1957 // EAA. Ф. 5402. Оп. 1. Ед. хр. 110.

Sirje: Eensoo, Sirje Akseli t. // EAA. Ф. 5311. Оп. 17 / 62. Ед. хр. 30.

Veljo I: Eensoo, Veljo Akseli p. // ERAF. Ф. 4903. Оп. 29. Ед. хр. 2.

Veljo II: Eensoo, Anne Eduardi t. 1940; Eensoo, Veljo Akseli p. // ERAF. Ф. 136SM. Оп. 1. Ед. хр. 19999.

II. Исследования и материалы

Твердюкова: *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011.

EA I: Eesti asundused I. Siin Siberi maa peal kasvanud. Ülem-Suetuki ja Viru-Pulani lood ning laulud / Koostanud Anu Korb ja Kadri Peebo. Tartu, 1995.

EA II: Eesti asundused II. Ei oska rääkimise moodi kõnelda. Zolotaja Niva, Semjonovka, Jurjevka, Koidula / Koostanud Anu Korb, toimetanud Kadri Tamm. Tartu, 1996.

EA III: Eesti asundused III. Seitse küla Siberis / Koostanud Anu Korb, toimetanud Kadri Tamm. Tartu, 1998.

EA V: Eesti asundused V. Siberi eestlaste elud ja lood / Koostanud ja toimetanud Anu Korb. Tartu, 2010.

EA VI: Eesti asundused VI. Eestlased Venemaal: elud ja lood / Koostanud ja toimetanud Anu Korb. Tartu, 2014.

EA VII: Eesti asundused VII. Roosi Siberi lood / Koostanud ja toimetanud Anu Korb. Tartu, 2015.

EA VIII: Eesti asundused VIII. Kohtumised Siberis / Koostanud ja toimetanud Anu Korb. Tartu, 2017.

Must: *Must, A.* Siber ja Eesti. Jalaraua kõlin. Tartu, 2012.

Nigol: *Nigol, A.* Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal. Tartu, 1918.